

Елена Бородина

(Институт истории и археологии УрО РАН,

Уральский федеральный университет)

ORCID 0000-0002-8128-5698

doi: 10.36121/eborodina.DB.2020.11.207

Повседневная жизнь канцеляристов Среднего Урала в 1725-1734 гг.

Аннотация: Статья посвящена изучению повседневной жизни делопроизводителей Среднего Урала в первое десятилетие после смерти Петра Великого. Автором были исследованы вопросы нормативной основы деятельности канцелярий государственных учреждений, социального происхождения и материального обеспечения канцелярских служащих, а также рассмотрена проблема соотношения их рабочего и свободного времени. Анализ архивных источников и специальных исследований показал, что делопроизводители Среднего Урала являлись сложной по социальному составу группой, члены которой были тесно связаны родственными и дружескими отношениями с представителями других социальных общностей – крестьян, мастеровых и работных людей, солдат и др. Их жизнь была подчинена жесткому графику работы в канцелярии и определялась Сибирским обер-бергамтом, стремившимся установить контроль над всеми сферами жизни своих работников.

Ключевые слова: Российская империя, Генеральный регламент, Сибирский обер-бергамт, Средний Урал, канцелярия, делопроизводители.

Everyday life of clerks in the Middle Urals, 1725–1734

Annotation: The article is devoted to the study of the daily life of clerks in the Middle Urals in the first decade after the death of Peter the Great. The author investigated the issues of the normative basis for the activities of state institutions, the social origin and material security of clerical employees, and also considered the problem of the ratio of their working and free time. Analysis of archival sources and special research has shown that the clerks of the Middle Urals were a complex social group, whose members were closely related and had friendly relations with representatives of other social communities – peasants, labors, soldiers, etc. Their life was subject to a strict schedule of work in the office and was determined by the Siberian Oberbergamt, that sought to establish control over all spheres of life of their employees.

Keywords: Russian Empire, the General Regulations, the Siberian ober-bergamt, the Middle Urals, chancellery, clerks.

Życie codzienne kancelistów na Środkowym Uralu w latach 1725-1734

Streszczenie: Artykuł został poświęcony **życiu** codziennemu urzędników na Środkowym Uralu w pierwszej dekadzie po śmierci Piotra I. Autorka zajęła się kwestią podstaw normatywnych działalności urzędów państwowych, pochodzenia społecznego i wsparcia materialnego dla pracowników urzędu, a także odniosła się do proporcji między pracą a czasem wolnym. Analiza źródeł archiwalnych i specjalistycznych opracowań wykazała, że urzędnicy Środkowego Uralu stanowili grupę społecznie złożoną, której członkowie byli ściśle związani pokrewieństwem i przyjaźnią z przedstawicielami różnych społeczności - chłopami, rzemieślnikami i robotnikami, żołnierzami itp. Harmonogram pracy w biurze został ustalony przez syberyjski Ober-Bergamt, który dążył do ustanowienia kontroli nad wszystkimi sferami życia swoich pracowników.

Słowa kluczowe: Imperium Rosyjskie, Reglament Generalny, Syberyjski Ober-Bergamt, Środkowy Ural, administracja, urzędnicy

История повседневности является одним из популярнейших исследовательских направлений, которое постоянно расширяет границы изучения, захватывает новые сферы бытия как отдельного индивида, так и обществ прошлого. На данный момент сложился значительный по объему пласт исследований, нацеленных не на реконструкцию социальной реальности через призму жизни и деятельности выдающихся правителей, политиков, деятелей науки и культуры, а на понимание обыденности рядового человека, его поступков, восприятий масштабных социальных трансформаций, привнесивших в рутину новые черты¹.

Обращение к истории «маленького человека» не случайно и является продуктивным, так как позволяет воссоздать условия существования кажущихся незначительными с точки зрения отношения к власти и принятия политических решений социальных групп, составлявших большинство населения государства. Эта идея оказалась востребована в последней трети XX в. сначала историками, изучавшими Средневековье, а затем – учеными, специализировавшимися на истории Нового и Новейшего времени. Новые реконструкции повседневной жизни касаются отдельных социальных групп, населенных пунктов и регионов².

Несмотря на сложившуюся историографическую ситуацию, ученые, занимающиеся историей России раннего Нового времени, как правило,

¹ См. подробнее об этом: Л. А. Савченко, *Повседневность: методология исследования, современная социальная реальность и практика (социально-философский анализ)*. Автореферат дисс.... доктора философских наук, Ростов-на-Дону 2001, s. 6-12; М. М. Кром, *Историческая антропология: Учебное пособие*, Санкт-Петербург, Москва 2010, s. 170-179; Г. М. Иполитов, А. И. Репинецкий, *История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки*, "Известия Самарского научного центра Российской академии наук", t. 14, nr 3, 2012, s. 154-161; А. В. Смирнов, *Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты*. Автореферат дисс. ... доктора философских наук, Санкт-Петербург 2013, s. 5-8.

² М. М. Кром, *Историческая антропология: Учебное пособие*, Санкт-Петербург, Москва 2010, s. 107-119; *Теория и методология истории: учебник для вузов*, Волгоград 2014, s. 318-324; М. В. Капкан, *Культура повседневности: учебное пособие*, Екатеринбург 2016, s. 18-19.

обращают большее внимание на исследование государственных структур, что обусловлено особенностями сохранности источников. В первую очередь это касается ранних периодов российской истории, которые в меньшей степени обеспечены повествовательными материалами. Большое количество работ посвящено истории государственного управления, реформам, разнообразным аспектам внутренней и внешней политики Московского государства и Российской империи.

Обращаясь к истории государства, исследователи не обходят вниманием и изучение истории чиновничества. Особенно активно исследуется бюрократия в периоды крупных преобразований, в частности – во время реформ первой четверти XVIII в., которое традиционно связывается с серьезными социальными трансформациями. Среди них – изменение отношения к государственной службе. Превращение службы государю в службу государству нашло отражение не только в деятельности членов присутствий государственных учреждений – воевод, судей и других должностных лиц, – но и сказалось на работе делопроизводителей³.

История развития корпорации государственных служащих в России изучается с разных сторон. Следует отметить реконструкции, характеризующие основные этапы становления (И. А. Федосов, Н. Ф. Демидова), деятельность и социальный портрет российской бюрократии XVIII в. (П. Н. Мрочек-Дроздовский, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, Е. В. Анисимов, Д. О. Серов, А. В. Оболонский), в исследовании правил составления документов (К. Г. Митяев, А. А. Лукашевич и др.), новых штатов должностных лиц (Л. Ф. Писарькова), а также численности и социального состава чиновничества (Ю. В. Готье, С. М. Троицкий, А. Н. Медушевский, М. Ф. Румянцева, Л. Ф. Писарькова, В. М. Пинтнер), изменений его внешнего вида (Л. Е. Шепелев)⁴ Тем не менее,

³ А. В. Жуковская, *Служить бы рад, работать тошно: к истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи (из «картотеки мотивов»)*, W: А. М. П. Памяти А. М. Пескова, Москва 2013, s. 105; Л. А. Черная, *От идеи «служения Государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в.* W: *Общественная мысль*, т. 1, Москва 1989, s. 28–43.

⁴ *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*, Chapel Hill 1980; Е. В. Анисимов, *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого*, Санкт-Петербург 1997; М. М. Богословский, *Областная реформа Петра Великого. Провинция: 1719–1727 гг.*, Москва 1902; Ю. В. Готье, *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*, т. 1, Москва 1913; Н. Ф. Демидова, *Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма*, Москва 1987; А. А. Лукашевич, *К истории делопроизводственной документации России XVIII в.*, «Отечественные архивы», nr 4, 2004, s. 12–18; А. А. Лукашевич, *Развитие губернской делопроизводственной документации 70–90-х гг. XVIII в.*: дисс... канд. ист. наук, Москва 1995; А. Н. Медушевский, *Петровская реформа государственного аппарата: цели, проведение, результаты*. W: *Реформы второй половины XVIII в. веков: подготовка, проведение результаты. Сборник научных трудов*, Москва 1989, s. 6483; А. Н. Медушевский, *Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование*, Москва 1993; П. Н. Мрочек-Дроздовский, *Областное управление в России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г.*, т. 1, Москва 1876; А. В. Оболонский, *Бюрократия и государство: Очерки*, Москва 1996; А. В. Оболонский, *На государственной службе: бюрократия в старой и новой России: Очерк*, Москва 1997; Л. Ф. Писарькова, *Государственное*

нам до сих пор в полной мере не удается составить полное представление об условиях службы государственных служащих. Последнее в наилучшей степени реконструируется при помощи методов и подходов истории повседневности.

Несмотря на значительный объем историографии, посвященной истории повседневности, количество работ, описывающих рутинную жизнь такой части российской бюрократии, как работники канцелярий, до сих пор остается незначительным. Особенно это касается ранних этапов существования данной социальной группы в отдельно взятых регионах государства. Между тем акцентирование внимания не только на изменении требований и нормативных оснований деятельности делопроизводителей, но и на их трудовой обыденности позволило бы лучше понять механизмы функционирования власти на различных этапах развития государственности. В этом отношении интересны переломные моменты российской истории, несшие изменения не только для всего общества, но и для чиновничества, являвшегося непосредственным исполнителем распоряжений монарха.

Реконструкции картин служебного быта делопроизводителей, на плечах которых лежала основная часть работы учреждений в первой четверти XVIII в., уже находили отражение на страницах исследований. Лучше всего изучен быт канцеляристов столичных городов России. Так, Л. М. Балакиревой рассмотрены вопросы регулирования деятельности делопроизводителей Юстиц-коллегии – органа власти, становление которого совпало со временем активного строительства новой столицы Российской империи⁵. О. Е. Кошелева посвятила отдельные главы своего исследования описанию бытовых условий и влиянию изменений внешнего вида на жизнь служащих канцелярий Санкт-Петербурга⁶. В кандидатской диссертации Я. С. Черемисиной сконцентрировано внимание на восстановление служебной и бытовой повседневности канцелярских служащих Санкт-Петербурга и Москвы⁷.

Изучение размеров жалования и структуры доходов канцеляристов этого времени было произведено Д. А. Рединым и А. Н. Медушевским. Результаты их исследований позволили понять, каков был материальный базис, необходимый для существования канцеляристов как в центре, так и в отдаленных провинциях⁸.

управление в России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы, Москва 2007; М. Ф. Румянцева, *Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России. 1762-1802 гг.*: дисс. ... канд. ист. наук, Москва 1985; С. М. Троицкий, *Русский абсолютизм и дворянство XVIII в.*, Москва 1974; И. А. Федосов, *Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма*, "Вопросы истории", № 7, 1971, с. 5961; Л. Е. Шепелев, *Титулы, мундиры, ордена в Российской империи*, Ленинград 1991.

⁵ Л. М. Балакирева, *Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия: Учебное пособие*, Новосибирск 2003.

⁶ О. Е. Кошелева, *Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени*, Москва 2004.

⁷ Я. С. Черемисина, *Повседневная жизнь государственных служащих в Москве и Петербурге в первой четверти XVIII в.*: дисс. ... канд. ист. наук, Москва 2008.

⁸ А. Н. Медушевский, *Петровская реформа государственного аппарата: цели, проведение, результаты. W: Реформы второй половины XVII-XX веков: подготовка, проведение результаты. Сборник научных трудов*, Москва 1989, с. 6483; А. Н. Медушевский, *Утверждение абсолютизма в России*.

Кроме того, в трудах историков можно найти отдельные сюжеты, посвященные повседневной жизни делопроизводителей последующих периодов российской истории XVIII в. Так, на пример, Ю. В. Готье посвятил часть своей работы характеристике деятельности и условий службы канцеляристов областных учреждений в европейской части России в период между двумя крупными административно-территориальными реформами XVIII в.⁹ Быт канцеляристов Екатерининской поры на примере ряда уездов Центральной России хорошо освещен В. Снежневским¹⁰. Н. Н. Козлова подготовила сборник актовых материалов разночинцев Москвы XVIII столетия, содержащий разнообразные сведения о достатке, домах и их обстановке, одежде представителей разных сословий, среди которых – большой процент делопроизводителей¹¹. Отдельные зарисовки, характеризующие занятия и образ жизни делопроизводителей, содержатся в книгах по истории повседневности городов и их округ в имперский период¹².

Таким образом, история повседневной жизни делопроизводителей вызывает интерес у ученых, но на данный момент реконструирована фрагментарно. В частности, малоизучены вопросы служебной повседневности канцеляристов Среднего Урала – территории, входившей с конца 1700-х до начала 1780-х гг. в состав Сибирской губернии. С начала XVIII в. регион приобретает статус индустриального центра, а в 1720-е гг. здесь создаются специальные органы управления промышленностью, о которых много сказано в разнообразных исследованиях¹³.

Сравнительное историческое исследование, Москва 1993; Д. А. Редин, *Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711-1727 гг.)*, Екатеринбург 2007; Д. А. Редин, *Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты)*, Екатеринбург 2019.

⁹ Ю. В. Готье, *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*, т. 1, Москва 1913.

¹⁰ В. Снежневский, *Приказные люди в Нижегородском наместничестве, "Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Сборник статей, сообщений, описей и документов"*, т. 5, Нижний Новгород 1903, с. 43–50.

¹¹ *Городская семья XVIII века: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., введ. ст. и коммент. Н. В. Козловой*, Москва 2002.

¹² См., например: *Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в.* Владимир 2009.

¹³ См., например: Н. И. Павленко, *Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление*, Москва 1953; Э. А. Пензин, *Сибирский обер-бергamt – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в.* W: *Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение: Сб. науч. тр.* Свердловск 1986, с. 104–121; Е. С. Тулисов, *Организация управления горнозаводской промышленностью Урала во второй половине XVIII века*, Екатеринбург 1999; Н. С. Корепанов, *Геншин на Урале*, Екатеринбург 2006; Д. А. Редин, *Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711-1727 гг.)*, Екатеринбург 2007; *Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление*, Москва 2008; М. А. Киселев, *Возникновение российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в.:* диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02, Екатеринбург 2010.

Важную роль в развитии территории играл Сибирский обер-бергамт – орган управления промышленностью на Урале и в Сибири в 1723-1734 гг. В его ведении находились Екатеринбургский, Алапаевский, Камышловский, Катайский и Крутихинский дистрикты (аналоги уездов Московского государства). Обер-бергамт был создан в ходе административно-судебных реформ конца 1710-х – начала 1720-х гг. В отличие от многих других территорий, где административные нововведения первой четверти XVIII в. были ликвидированы уже в первые годы после смерти Петра, этот орган власти сохранил управленческие механизмы, созданные в годы правления монарха и после его смерти. Соответственно, именно здесь в наибольшей степени могли быть реализованы все требования к функционированию учреждений, которые были сформулированы в царствование первого российского императора.

Целью данной статьи стало проследить, как была организована служба делопроизводителей Среднего Урала в первое десятилетие после смерти Петра Великого. Основное внимание будет сосредоточено на реконструкции повседневной жизни канцеляристов Сибирского обер-бергамта и контор, находившихся в Екатеринбурге. Это, во-первых, обусловлено лучшей сохранностью архивных материалов. Во-вторых, тем, что город-завод в 1723 г. становится центром региона, именно здесь оказалось сосредоточено наибольшее число разнообразных ведомств и, соответственно, канцелярских служащих.

Для решения поставленной цели следует, во-первых, разобраться с требованиями, которые предъявлялись к делопроизводителям в рассматриваемый период, во-вторых, рассмотреть социальное происхождение канцеляристов, в-третьих, произвести реконструкцию материального обеспечения и порядка организации их деятельности на Среднем Урале.

Нормативные основания деятельности канцелярий.

Как уже было отмечено выше, конец 1710-х – начало 1720-х гг. стали временем серьезной перестройки системы управления в России. Новые принципы организации канцелярий были провозглашены в Генеральном регламенте. Среди них, безусловно, присутствовали и те, которые бытовали в рабочей практике делопроизводителей XVII столетия. Тем не менее, Регламент стал своего рода кодексом правил поведения на месте службы.

Законодательный акт начинался с текста присяги, которую давали все, принятые на службу в государственные учреждения. Им были уточнены нормы рабочего времени, условия прихода и ухода из канцелярии, а также установлены правила допустимого и непозволительного поведения на рабочем месте. В частности, был введен запрет на праздные разговоры на службе. Руководителям учреждений предписывалось следить за морально-нравственным обликом подчиненных: «чтоб безбожного жития не имели, также пития и игры, лжи и обманства удерживали, и чтоб оные в одежде чисто содержались, а во обхождении постоянно и не дерзостно поступали». В Генеральном регламенте были четко обозначены обязанности каждого должностного лица, прописана система штрафов за их неисполнение¹⁴.

¹⁴ Генеральный регламент. W: Законодательство Петра I, Москва 1997, с. 100–102, 104–106,

Требования Регламента подкреплялись рядом указов, которые предписывали неукоснительное соблюдение законов. В соответствии с законом от 17 апреля 1722 г. каждому учреждению следовало иметь зеркало – трехгранную призму, в которой находились указы с требованием «хранения прав гражданских»¹⁵. Контроль и учет становятся неотъемлемой частью повседневной жизни всех государственных служащих.

Это проявлялось не только в нормативных правовых актах, декларировавших необходимость придерживаться законов и выделявших особую позицию руководителей органов власти по отношению к канцеляристам. Первая четверть XVIII в. связана с появлением новых должностных лиц (фискалов и прокуроров), основной задачей которых было предотвратить злоупотребления чиновников, в утверждении Генеральным регламентом таких форм документов, как реестры и регистры¹⁶. Расширение сферы контроля за государственными учреждениями привело к росту документооборота. Ввиду ведения военных действий и усиленного внимания к социально-экономической сфере особую роль приобрело ведение фискальной и иной финансовой документации.

В связи с этим наблюдается увеличение штатов канцелярий. По мнению Е. В. Анисимова, в результате второй волны государственных преобразований именно канцеляристы, подканцеляристы и копиисты составили большинство служащих учреждений в Российской империи. К моменту завершения реформы количество делопроизводителей составляло 1962 человека, то есть 93,4% от общего числа государственных служащих¹⁷.

Ситуация на Урале отражала общероссийскую тенденцию. Трансформация созданного в начале 1720-х гг. на Уктусском заводе Сибирского горного начальства в Сибирский обер-бергамт сопровождалась постепенным расширением круга полномочий учреждения. Рост числа подчиненных ему контор привел к дальнейшему усложнению внутренней структуры органа власти. Канцелярия Обер-бергамта была поделена на сформированные по функциональному принципу поветья, что привело к необходимости расширения штата служащих. Увеличение количества делопроизводителей, в свою очередь, вызвало потребность в установлении более жесткого контроля над деятельностью канцеляристов. Каково было их социальное происхождение?

110–117, 122–124.

¹⁵ Указ о хранении прав гражданских. W: Российское законодательство, т. 4, Москва 1984, s. 186–187.

¹⁶ Генеральный регламент. W: Законодательство Петра I, Москва 1997, s. 112–113, 115–116; А. Д. Градовский, *Высшая администрация в России и генерал-прокуроры*, Санкт-Петербург, 1886; Е. В. Анисимов, *Петр Великий: личность и реформы*, Санкт-Петербург 2009, s. 137; Д. О. Серов, *Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.* Автореферат дисс. ... доктора ист. наук, Екатеринбург 2010.

¹⁷ Е. В. Анисимов, *Петр Великий: личность и реформы*, Санкт-Петербург 2009, s. 137–138.

Социальное происхождение делопроизводителей Среднего Урала.

Исследователями подьяческих корпораций Московской Руси установлено, что в России, в том числе и в Сибири, частью которой долгое время считался Урал, к середине XVII столетия сложились устойчивые локальные корпорации дьяков и подьячих. Они характеризовались семейственностью и были практически полностью закрыты для инкорпорации представителей иных социальных общностей. Ученые также отмечают, что одним из источников формирования данной социальной группы оставалась включение членов служилого и тяглого сословий. В конце столетия такой способ применялся в первую очередь для регулирования численности площадных подьячих. Служилые и тяглые люди могли получить дополнительный заработок при условии продолжения несения прежних повинностей¹⁸.

В первой четверти XVIII в. должности канцелярских служителей были переименованы без кардинальных изменений их функционала. Места дьяков и подьячих разных статей заняли секретари, канцеляристы, подканцеляристы и делопроизводители, по-прежнему являвшимися выходцами из дьяческо-подьяческих фамилий.

Рассмотрим, как обстояла ситуация с подьяческими кадрами на Среднем Урале. В середине 1720-х гг. на Урале существовали семьи потомственных делопроизводителей, в которых происходила передача знаний о профессии от отца к сыну¹⁹. В большинстве случаев Обер-бергамт был вынужден довольствоваться «старыми ресурсами». В его стенах работали представители подьяческих династий, а также сыновья руководителей контор и мелких управителей, устроенных на должности по прошению родителей.

Наряду с этой группой делопроизводителей в регионе можно было встретить канцеляристов, попавших сюда из других губерний, провинций или уездов. Так, например, примечательна судьба Петра Клушина, который в 1720 г. был отправлен на Урал Берг-коллегией в составе группы специалистов горного дела во главе с В. Н. Татищевым. За десять лет службы П. Клушин прошел по всем ступеням канцелярской службы: от должности молодого подьячего (копииста) до позиции секретаря Сибирского обер-бергамта²⁰.

Ввиду постоянного дефицита кадров в горное ведомство Среднего Урала периодически посылались канцелярские служащие, «выписанные» из соседних административно-территориальных единиц. В частности, в 1724 г. по просьбе В. де Геннина в Екатеринбург прибыли делопроизводители

¹⁸ Н. Ф. Демидова, *Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма*, Москва 1987, с. 52–55, 62–75; Г. А. Леонтьева, *Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII веке*. W: *Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов*, Новосибирск 1986, с. 3–19, И. Д. Мартысевич, В. С. Шульгин, *Право и суд*. W: *Очерки русской культуры XVII века*, т. 1, Москва 1979, с. 330–331.

¹⁹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 277. Л. 181–181об.

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 156–157, 161.

Вятской провинции. Кроме того, в учреждения, подчинявшиеся горному ведомству, переводились канцеляристы других уральских уездов²¹.

В связи с невозможностью заполнения канцелярских мест за счет служащих, присланных из центра и провинций, 3 декабря 1727 г. в Сибирском обер-бергамте было принято решение замещать места делопроизводителей за счет школьников²². Фактически ученики школ, созданных на Урале по инициативе В. Н. Татищева, уже давно привлекались для работы в различных конторах и ведомствах²³. Школьники имели возможность не только учиться ремеслам «яко юнкеры конторские», но и получали небольшое жалование.

Таким образом, школы создавали условия для социальной мобильности. Дети мастеровых и работных людей, реже – крестьян и представителей иных общественных групп получали возможность не только приобрести новые профессиональные навыки, но и войти в состав других социальных общностей. В случае, если школьник «не успевал», его могли отправить учиться дальше. Несмотря на это, среди подьячих и копиистов разных уровней процент бывших школьников был велик. Об этом свидетельствуют челобитные с просьбами о выплатах или повышении жалования, в массовом количестве составленные весной 1729 г.²⁴.

Бывшие школьники могли поступить на постоянную канцелярскую службу. Несмотря на это, они сохраняли связь с семьей. То же касалось и тех делопроизводителей, которые с годами «обрастали» родственными связями за пределами Екатеринбурга. Канцелярская работа давала мало возможностей для их посещений. Отсутствие на рабочем месте требовало согласования с руководством. Присутствие Обер-бергамта стремилось следить за перемещениями своих подчиненных, брало расписки о своевременном возвращении к месту службы²⁵.

Выходцы из крестьян были вынуждены возвращаться домой не только с целью общения с родными, но и для помощи по хозяйству, а также отработки повинностей, которые они обязывались нести подобно другим представителям тяглых сословий. Так, 14 августа 1729 г. писчик Мурзинской слободы Алапаевского дистрикта Петр Конев просил отпустить его из Екатеринбурга «для рубки дров и платежа доимочных денег». Причиной такой ситуации являлась неопределенность социального положения делопроизводителей из числа слободских жителей, вызванная их переходным социальным статусом. Таким образом, канцеляристы, происходившие из тягловых сословий, одновременно несли службу и отбывали повинности²⁶.

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 256–257, 260–260об.

²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. Л. 356об.–357.

²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 116–117, 205; А. М. Сафронова, *Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20–30-е годы XVIII в.* W: Документ. Архив. История. Современность, Екатеринбург 2015, с. 32–56.

²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 190, 205–206об., 242–281об. и др.

²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 448. Л. 4об.

²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 147.

Несмотря на многочисленные попытки увеличить штат делопроизводителей, Сибирский обер-бергamt испытывал постоянную нехватку кадров. Это можно увидеть при анализе реестра канцеляристов, работавших в конторах Обер-бергамта и подчиненных ему учреждениях в июне 1729 г.²⁷ При общем штате в 134 человека было заполнено 108 мест. Обращает на себя внимание, что в самом Обер-бергамте канцелярские должности были заняты лишь на 54%, тогда как в уездных и заводских конторах ситуация с канцеляристами была лучше. В большинстве случаев в заводских конторах все должности были замещены либо укомплектованы канцеляристами сверх штатов. Из перечня делопроизводителей можно заметить, что к работам привлекались не только школьники (8 человек из 108), но и бывшие школьные учителя, а также имевшие опыт составления документов колодники. Один человек работал на условиях вольного найма (7%).

Корпорация делопроизводителей Среднего Урала была неоднородной. Она включала выходцев из разных социальных групп (крестьян, мастеровых людей, солдатских детей, сыновей священнослужителей)²⁸. Канцелярские служители – бывшие крестьяне и прочие жители горнозаводских дистриктов – оказались под двойным гнетом, так как были обязаны не только работать в канцелярии, но и отрабатывать повинности. Следует отметить, что канцелярских работников с переходным статусом было большинство. Некоторые из них не были официально приняты на службу, так как являлись ссыльными или колодниками.

Материальное обеспечение и расходы канцелярских служителей.

Сведения о размерах жалования канцеляристов можно найти в разнообразных документальных источниках, но наиболее полную информацию дают челобитные делопроизводителей. Данный источниковый комплекс возник в результате длительных невыплат жалования за конец 1728 – начало 1729 г., которое было задержано ввиду несвоевременного составления расчетных ведомостей за 1726 и 1727 гг. Челобитные содержат сведения не только о положении канцеляристов, но и о структуре их доходов и расходов.

Финансовое положение канцеляристов было очень различным. Так, школьники получали за свои труды самое минимальное жалование, которого не хватало даже для того, чтобы снять квартиру в Екатеринбурге²⁹. Так как в ряде случаев им следовало продолжать учиться, они не могли трудиться полный рабочий день.

Жалование копиистов значительно разнилось, составляя 6, 12, 15, 18 и 20 рублей в год³⁰. Его размер устанавливался в зависимости от времени поступления копииста на службу, а также места, которое он занимал в канцелярии. С годами оклад мог быть увеличен по челобитной канцелярского служителя.

²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 112.

²⁸ ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 11. Л. 15, 16об., 17, 23об.

²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 205.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 277. Л. 181об.

В отличие от копиистов, подканцеляристы, канцеляристы и секретари имели более высокую оплату труда (40, 60-80 и 120 рублей в год соответственно)³¹. Правда, следует отметить, что реальные выплаты жалования были значительно ниже, что можно увидеть по ведомостям о выплате жалования более позднего времени. Например, подканцеляристы Пермской конторы судебных и земских дел, Камышловской и Арамилской земских контор получили по 24 рубля за 1754 г.³² В 1727 г. 99 делопроизводителей, трудившихся в подведомственных Сибирскому обер-бергамту учреждениям, получили в общей сложности 1643 рубля. Недостача составила 142 рубля³³.

Анализ текстов челобитных показывает, что в середине 1720-х гг. Обер-бергamt назначал жалование в соответствии с общеимперскими нормами: оно состояло из денежной и хлебной частей (ржи и овса). Несмотря на это, канцелярские служители испытывали сложности с получением продовольствия. Так, летом 1729 г. секретарь Сибирского обер-бергамта Петр Клушин писал о том, что «скуден и пропитание едва имел для того, что здесь платье и обувь и харчевые припасы покупаютца дорогою ценою»³⁴.

Делопроизводители, работавшие в заводских канцеляриях в уездах, находились в более выгодном положении. Несмотря на обязанность платить подати и участвовать в отработках, их материальное положение было относительно стабильным. Такие канцеляристы всегда имели возможность найти место для службы недалеко от дома. В случае, если не оставалось людей, способных прокормить семью, они или их родственники просили перевести их в канцелярию ближе к родному селению.

В отличие от служащих заводских канцелярий и контор в уездах, делопроизводители Екатеринбургa подчас не имели пашни или какой-либо возможности получать хлеб от родственников. Об этом, в частности, упоминается в челобитной копииста судебного повывья Обер-бергамта Екимa Казанцева от 4 октября 1729 г., в которой он сетовал, что после перевода из Каменских заводов в Екатеринбург потерял возможность обеспечивать семью, «понеже пашен не имеет»³⁵.

Таким образом, канцеляристы Сибирского обер-бергамта находились в более стесненных материальных условиях. Многие из них были вынуждены жить вдали от родного дома, снимать жилье и не имели иных средств к существованию, кроме канцелярского заработка. Делопроизводители были привязаны к месту службы и полностью зависели от выплат жалования из Обер-бергамта. Размеры их окладов были зафиксированы в табелях и регулярно пересматривались с учетом инфляции и роста цен на хлеб³⁶.

³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 156-156об.; ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 11. Л. 8об.-9, 15.

³² ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 11. Л. 3, 15, 16об.

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 277. Л. 182.

³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 156-156об.

³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 392.

³⁶ Нам известны табели 1724, 1726 и 1729 гг.

Делопроизводители низших рангов являлись одной из самых уязвимых социальных групп, так как нередко страдали от невыплат жалования. В первую очередь это касалось ответственных за ведение финансовой и отчетной документации. Несвоевременная подготовка ведомостей каралась задержкой заработной платы. Для некоторых канцелярских служащих такая ситуация была фатальной. Кроме того, время от времени делопроизводители оказывались вынужденными нести экстраординарные расходы (например, оплачивать организацию лазарета)³⁷.

Как уже было отмечено выше, сложное финансовое положение нередко вынуждало канцелярских служащих к написанию челобитных с просьбами о повышении или о выплате жалования. В этих случаях делопроизводители, как правило, стремились получить поддержку от себе подобных³⁸. В частности, при составлении прошений о выплате заслуженного жалования они стремились приклядывать отзывы о своей службе от секретаря и прочих канцелярских руководителей либо использовали подачу коллективной челобитной, которая подписывалась большинством канцелярских служащих³⁹.

Попадая в недавно построенный Екатеринбург, канцеляристы были вынуждены не только снимать жилье и покупать продовольствие. Требовалось иметь одежду и обувь, отражавшую их социальный статус. Кроме того, на полученное жалование они содержали всю свою семью. Как и в Санкт-Петербурге, где денежное вознаграждение подъячих и копиистов было в два раза выше, чем в других регионах страны, делопроизводителям требовались значительные средства для жизни⁴⁰.

Немногочисленное готовое платье, скроенное по европейским образцам, было большой редкостью на Урале и стоило огромных денег. В источниках не встречается информации о том, что Сибирский обер-бергamt заботился о мундирах для своих подчиненных, работавших в канцеляриях. Вся попадавшая на склады Обер-бергамта материя уходила на пошив мундиров для рекрутов и униформы мастеровых людей⁴¹.

Несмотря на приведенные выше данные, следует отметить, что и в среде канцелярских служащих наблюдается социальное расслоение. Наряду с теми, кто с трудом сводил концы с концами, были те, кто обладал значительными финансовыми накоплениями. В частности, ряд служащих в должности секретаря и канцеляристов (подъячих) имели зависимых людей. Это нашло отражение в судебно-следственной документации⁴².

³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 156–157.

³⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 205.

³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186. Л. 53, 205, 249–249об., 252–253об. и др.

⁴⁰ Е. В. Анисимов, *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого*, Санкт-Петербург 1997, с. 222; О. Е. Кошелева, *Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени*, Москва 2004, с. 269–280.

⁴¹ Е. В. Бородина, *Вещи из Западной Европы в быту населения Урала первой трети XVIII в.* W: *Социально-демографические и культурно-ментальные трансформации в контексте российской модернизаций XVIII–XX вв.*, Екатеринбург 2014, с. 61–62.

⁴² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 38.

Как уже было отмечено выше, не менее сложной была жилищная ситуация делопроизводителей. Практически с самого начала основания города-завода руководители взяли на себя обязанность по строительству основных зданий внутри крепостных стен. Постройки возводились за казенный счет и передавались в пользование всем жителям поселения, так или иначе связанным с функционированием уральских заводов и деятельностью административных учреждений. Среди них были не только мастеровые и работные люди, но и канцелярские служители.

Казенные квартиры и частные дома строились по утвержденным стандартам. Все постройки имели казарменный вид. Дома выстраивались в улицы-линии⁴³. Ширина избы, включая горницу с сенями, равнялась 4 сажням, ворота – 3 сажням, длина двора составляла 12 сажней. Власти следили за пожарным состоянием города, поэтому все печи требовалось класть вдали от стен, а печные трубы выводить как можно выше. Сами стены предписывалось обмазывать глиной, а крыши – дерном. Полы следовало набивать глиной или устилать кирпичом⁴⁴.

В первоначальном варианте предполагалось, что представители разных социальных групп будут селиться строго по линиям. Тем не менее, уже в 1725 г. четкий план расселения и строительные регламенты оказались нарушены. Делопроизводители размещались в произвольном порядке, хоть и по согласованию с горнозаводской администрацией⁴⁵. Подчас можно было встретить ситуации, когда в одном доме проживало две семьи: подьячего и мастерового, подьячего и солдата. Нередко одинокие делопроизводители подселялись в дом к другим жителям Екатеринбурга, так или иначе зависевшим от властей. Например, в конце 1720-х – начале 1730-х гг. во дворе Козьмы Тимофеева проживали подьячий, котельный и доменный мастера⁴⁶. Если человек хотел завести семью, он должен был обратиться к властям с просьбой о выделении ему помещения или о разрешении на строительстве дома.

Со временем предоставлявшиеся в пользование сооружения можно было выкупить. Только «люди при заводах» имели возможность подать прошение о льготной покупке дома. Это могло быть как жилое здание, так и пустующее строение. Помещения, выставлявшиеся на аукцион, также приобретались по более низкой цене. Обычный дом с двором мастерового, подьячего или солдата стоил 18-20 рублей, что, как можно заметить, превышало или равнялось годовому жалованию копииста⁴⁷. Стоимость дома можно было выплатить единовременно или в рассрочку. В последнем случае определенная сумма в течение нескольких лет вычиталась из жалования.

Безусловно, такая жилищная ситуация не могла не влиять на жизненный уклад делопроизводителей. Жизнь с соседями была подчас утомительна.

⁴³ *Очерки истории Свердловска (1723-1973)*, Свердловск 1973, с. 17.

⁴⁴ Н. С. Корепанов, *В раннем Екатеринбурге. (1723-1781 гг.)*, Екатеринбург 2001, с. 35.

⁴⁵ Н. С. Корепанов, *В раннем Екатеринбурге. (1723-1781 гг.)*, Екатеринбург 2001, с. 34-35.

⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 277. Л. 141.

⁴⁷ Н. С. Корепанов, *В раннем Екатеринбурге. (1723-1781 гг.)*, Екатеринбург 2001, с. 92.

Возникали конфликты. Канцеляристы не имели защиты от подселения к ним на двор стороннего лица. Многие были вынуждены ютиться в чужих домах. Тем не менее, даже покупка дома не означала безусловного владения.

Так, в начале 1730-х гг. руководитель Сибирского обер-бергамта В. де Геннин решил переселить всех служащих Обер-бергамта и подчиненных ему контор как можно ближе к учреждениям, куда им следовало регулярно являться на службу. Генерал-майор повелел разместить их на одной, первой линии строений. С этого времени все, кто был связан с обслуживанием деятельности предприятий горнозаводского ведомства, обязывались селиться внутри крепостных стен, где расположение и размеры жилых строений было строго регламентированы⁴⁸.

Служебная обстановка и распорядок дня канцеляристов.

Рассмотрим вопрос соотношения рабочего и свободного времени делопроизводителей и служебную обстановку помещений. На данный момент нами не выявлено источников, которые бы позволили досконально реконструировать внутреннее убранство помещений. Согласно Генеральному регламенту, любую канцелярию следовало обставлять «добрыми коврами и стульями», а также крытым сукном столом, покрытым балдахином. Одним из важных элементов интерьера были часы, необходимые для измерения проведенного на службе времени⁴⁹.

Думается, что канцелярии и конторы, находившиеся в подчинении Обер-бергмата, были оборудованы в соответствии с требованиями закона. Кроме того, во второй половине 1720-х гг. на стенах «судейской каморы» Сибирского обер-бергамта висели приобретенные на Ирбитской ярмарке Распятие на холсте и портрет императрицы⁵⁰.

Основным способом оповещения о времени дня в Екатеринбурге и на других уральских заводах был барабанный бой. Он обозначал время начала и окончания работы заводов. С 1729 г. рядом с Главным командирским домом повесили медный позывной колокол⁵¹. Его звуки определяли распорядок дня не только мастеровых и рабочих людей, но и канцелярских служащих⁵².

Э. А. Пензин предположил, что рабочий день канцеляристов Сибирского обер-бергамта продолжался 13 часов: с 7 утра до 10 вечера с двухчасовым перерывом на обед⁵³. Такая длительность времени службы делопроизводителей

⁴⁸ Н. С. Корепанов, *В раннем Екатеринбурге. (1723–1781 гг.)*, Екатеринбург 2001, s. 90; Н. С. Корепанов, *Геннин на Урале*, Екатеринбург 2006, s. 212; *Очерки истории Свердловска (1723–1973)*, Свердловск 1973, s. 19.

⁴⁹ Генеральный регламент. W: Законодательство Петра I, Москва 1997, s. 110–111.

⁵⁰ Н. С. Корепанов, *Геннин на Урале*, Екатеринбург 2006, s. 114.

⁵¹ Н. С. Корепанов, *В раннем Екатеринбурге. (1723–1781 гг.)*, Екатеринбург 2001, s. 36–37.

⁵² *Очерки истории Свердловска (1723–1973)*, Свердловск 1973, s. 17.

⁵³ Э. А. Пензин, *Сибирский обер-бергмат – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в.* W: *Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение: Сб. науч. тр.* Свердловск 1986, s. 118.

превосходила все нормы, установленные в законодательных актах второй половины XVII – первой трети XVIII в.⁵⁴ На наш взгляд, количество часов, проведенных на службе, могло превышать 14.

Об этом свидетельствуют, во-первых, данные Н. С. Корепанова, который установил, что в середине 1720-х гг. В. де Генниным был утвержден более строгий ритм функционирования всех казенных заводов. Начало рабочего дня приходилось на четыре утра, с одиннадцати до двенадцати тридцати проходил обеденный перерыв, далее работа велась до восьми вечера. Летом рабочий день мог длиться до девяти, в случае крайней необходимости – до десяти часов вечера⁵⁵.

Во-вторых, анализ «записных тетрадей» за 1731 и 1733 гг., где отмечались опоздавшие и не явившиеся на службу канцелярские служители, позволяет сделать вывод, что схожие требования к организации труда предъявлялись и к делопроизводителям⁵⁶. По регистрационным журналам видно, что канцеляристы считались опоздавшими, если приходили на службу в седьмом часу утра. Ранним уходом с работы рассматривался восьмой час вечера.

Таким образом, провозглашенный Генеральным регламентом в качестве нормы шестичасовой рабочий день для членов присутствий учреждений, не распространялся на служителей канцелярии⁵⁷. Кроме того, по записным тетрадям можно увидеть, что канцелярии работали и в воскресные дни, что также противоречило положениям Регламента.

Не удивительно, что жесткий рабочий график вступал в противоречие с личными нуждами делопроизводителей, часто отступавшими от требований служебной дисциплины. Нарушения проявлялись не только в опозданиях и прогулах, но и в нахождении на служебном месте в нетрезвом виде.

Описания случаев неподобающего поведения можно найти как в регистрационных журналах, так и в других документах. Так, например, 17 августа 1731 г. руководитель судного поветья Обер-бергамта Иван Кичигин ушел из канцелярии в третьем часу дня и вернулся лишь «по пробитии восьми часов в девятом пьяной». В тот день И. Кичигин был дневальным и не имел права ни под каким видом отлучаться с места службы⁵⁸. 20 сентября 1731 г. в журнале было зафиксировано неподобающее поведение группы канцеляристов, которые по пробитии семи часов вечера отправились в кабаки, откуда вернулись в конце восьмого часа⁵⁹. В октябре 1731 г. пьянство не дало исполнять обязанности подканцеляристу счетного поветья Ивану Гуляеву. 25 октября он был пьян, хоть и находился «у дел», а 26 октября подканцелярист не смог выйти на службу, так

⁵⁴ Л. Ф. Писарькова, *Государственное управление в России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы*, Москва 2007, s. 329.

⁵⁵ Н. С. Корепанов, *Геннин на Урале*, Екатеринбург 2006, s. 39.

⁵⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–32.

⁵⁷ Генеральный регламент. W: Законодательство Петра I, Москва 1997, s. 101–102.

⁵⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 310. Л. 13об.

⁵⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 310. Л. 20.

как весь день мучался от похмелья⁶⁰. Из-за злоупотребления алкоголем 7 декабря 1731 г. делопроизводитель горного повывья Семен Дерябин также не явился на службу. На его поиски были посланы караульные, от которых он сбежал «за пьянством же»⁶¹.

Горнозаводская администрация активно боролась с неподобающим поведением канцеляристов. Вопросы дисциплины требовали постоянного напоминания. У нас имеются сведения о регулярном чтении вслух базового для чиновников документа – Генерального регламента⁶².

В 1725 г. В. де Геннин распорядился, чтобы все мастеровые люди и прочие служители получали жалование, «смотря по искусствам» и трудолюбию. Все, кто был уличен в лени и нерадении, лишались части оплаты труда⁶³. Несмотря на то, что норма касалась преимущественно горнозаводских работников, она соответствовала установкам Генерального регламента, который также устанавливал вычеты из заработной платы за отсутствие на рабочем месте.

Как можно заметить выше, важным средством контроля за канцеляристами в этом случае выступали записные тетради, которые велись дневальными. Любые случаи отсутствия на рабочем месте должны были согласовываться с руководством. Это, например, касалось посещения родственников. Так, 6 апреля 1734 г. в «Журнале Сибирского обер-бергамта словесным приказам от господина от артиллерии генерала-лейтенанта и кавалера Вилима Ивановича де Геннина и от господ присудствующих в Сибирском обер-бергамте 1734 года» была сделана отметка об отпуске копииста Павла Трусова на Алапаевские заводы для встречи с родственниками сроком на 17 дней⁶⁴. Канцелярист своеручной подписью обязался, что вернется в срок, о чем была сделана соответствующая пометка.

Случаи пьянства делопроизводителей также брались под особый контроль. В. де Геннин неоднократно издавал указы, запрещающие злоупотребление алкоголем и праздное шатание по городу-заводу. В начале 1730 гг. генерал-майор повел особенно активное наступление на заводские кабаки. Запрещалось заводить питейные заведения ближе, чем в 10 верстах от рудников и в 20 верстах от заводов⁶⁵. Если ранее наказанию подвергались в основном мастеровые и работные люди, то с 1732 г. кара стала чаще достигать и канцелярских служителей. Их лишали жалования, временно отстраняли от дел, наказывали батогами⁶⁶.

Нередко злостные прогульщики и нарушители дисциплины наказывались по-иному. Их били батогами, заковывали в кандалы и заставляли работать под караулом «до указа». Как правило, в этих случаях делопроизводители содержались денно и нощно в канцелярии или на ночь заключались в тюрьму. В некоторых случаях такое заточение на месте службы иногда доходило до

⁶⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 310. Л. 21–21об.

⁶¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 310. Л. 26об.

⁶² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 448. Л. 8об.

⁶³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 388. Л. 180.

⁶⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 448. Л. 4об.

⁶⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 37. Л. 572.

⁶⁶ Н. С. Корепанов, *Геннин на Урале*, Екатеринбург 2006, s. 111, 194–195, 199–200.

месяца⁶⁷. Недостойное поведение могло стоить канцелярским служителям должности: их увольняли или переводили на более низкую ступень карьерной лестницы. Последнее случалось гораздо чаще.

Таким образом, повседневная деятельность делопроизводителей Среднего Урала была связана преимущественно со службой в конторах и канцеляриях. Горнозаводская администрация устанавливала жесткие требования по отношению к работе служащих, оставляя им незначительное пространство для личной жизни. Общие правила и условия их работы были сформулированы еще в годы правления Петра Великого. Тем не менее, они были подтверждены и укреплены локальными нормативными актами в первые годы после смерти первого российского императора.

Еще в первой четверти XVIII в. Средний Урал стал местом, где сложились практически военные методы управления и стиль жизни. В большей степени это проявилось в Екатеринбурге. Режим в других горнозаводских дистриктах был мягче. Руководство определяло, как и где будут жить делопроизводители, решало, давать или отбирать у них жалование, наказывать телесно или заключать в тюрьму. Их жизнь во многом подчинялась ритмам производственных процессов железоделательных и медеплавильных заводов.

Несмотря на проблемы с выплатами жалования и периодическим недостатком финансирования государственных учреждений, зависимость канцеляристов от региональных властей была стабильно высокой. Еще одной составляющей повседневной жизни делопроизводителей, которая влияла на их деятельность, являлась включенность в дружеские и семейно-родственные связи с представителями других социальных групп, проживавших в регионе.

Эти связи выстраивались, во-первых, за счет того, что корпорация делопроизводителей не была закрытой и монолитной, она постоянно пополнялась за счет выходцев из других сословий. Родственные отношения позволяли сохранить связь с другим миром, жизненный уклад которого определялся сельскохозяйственным циклом. Во-вторых, отношения поддерживались благодаря совместному проживанию канцеляристов, не имевших семьи, вместе с мастерами и работными людьми, солдатами. Достаточно часто их коммуникация происходила во время походов в гости, за распитием алкоголя в кабаках или у знакомых⁶⁸. Все это вносило дополнительные краски в распорядок жизни делопроизводителей, который продолжал определяться их основной сферой деятельности, полной директив и контроля.

⁶⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 448. Л. 3–3об.

⁶⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 157–157об.

REFERENCES – BIBLIOGRAFIA

Sources:

Generalnyy reglament, [in:] *Zakonodatelstvo Petra I*, Moskva 1997, p. 99–124.

Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoy oblasti:

- fond 24, opis 1, delo: 122, 186, 277, 301, 310, 388, 448, 488; opis 12, delo 37

- fond 34, opis 1, delo 11.

Ukaz o khranении prav grazhdanskikh, [in:] *Rossiyskoe zakonodatelstvo*, t. 4, Moskva 1984, p. 186–187.

Studies:

Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century, Chapel Hill 1980.

Anisimov E. V., *Petr Veliky: lichnost' i reformy*, Sankt-Peterburg 2009.

Anisimov E. V., *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержавие Petra Velikogo*, Sankt-Peterburg 1997.

Balakireva L. M., *Sudebnaya reforma Petra I: Yustits-kollegiya: Uchebnoe posobie*, Novosibirsk 2003.

Bogoslovsky M. M., *Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provintsiya: 1719–1727 gg.*, Moskva 1902.

Borodina E.V., *Veshchi iz Zapadnoy Evropy v bytu naseleniya Urala pervoy trety XVIII v.*, [in:] *Sotsial'no-demograficheskie i kul'turno-mental'nye transformatsii v kontekste rossiyskoy modernizatsiy XVIII–XX vv.*, Ekaterinburg 2014, s. 55–63.

Gorodskaya sen'ya XVIII veka: Semeyno-pravovyye akty kuptsov i raznochintsev Moskovy, Sost., vvod. st. i komment. N. V. Kozlovoy, Moskva 2002.

Gotye Yu.V., *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II*, t. 1, Moskva 1913.

Gradovsky A. D., *Vysshaya administratsiya v Rossii i general-prokurory*, Sankt-Peterburg 1886.

Demidova N. F., *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovaniy absolutizma*, Moskva 1987.

Ipolitov G.M., Repinetsky A.I., *Istoriya povsednevnosti: nekotoryye aspekty genezisa i evolyutsii otrasli istoricheskoy nauki*, "Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk", t. 14, 2012, nr 3, s. 154–161.

Kapkan M.V., *Kul'tura povsednevnosti: uchebnoe posobie*, Ekaterinburg 2016.

Kiselev M. A., *Vozniknovenie rossiyskogo promyshlennogo zakonodatel'stva v 1-y chetverti XVIII v.*: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02, Ekaterinburg 2010.

Korepanov N. S., *V rannem Ekaterinburge. (1723–1781 gg.)*, Ekaterinburg 2001.

Korepanov N.S., *Gennin na Urale*, Ekaterinburg 2006.

Kosheleva O. E., *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni*, Moskva 2004.

Krom M.M., *Istoricheskaya antropologiya: Uchebnoe posobie*, Sankt-Peterburg, Moskva 2010.

Leontyeva G.A., *Organizatsiya prikaznogo deloproizvodstva v Sibiri i professional'naya podgotovka sibirskikh pod'yachikh v XVII veke*, [in:] *Razvitiye kul'tury sibirskoy derevni v XVII – nachale XX vv.: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, Novosibirsk 1986, s. 3–19.

Lukashevich A. A., *K istorii deloproizvodstvennoy dokumentatsii Rossii XVIII v.*, "Otechestvennyye arkhivy", nr 4, 2004, s. 12–18.

Lukashevich A.A., *Razvitiye gubernskoy deloproizvodstvennoy dokumentatsii 70-90-kh gg. XVI–II v.*: diss. ... kand. ist. nauk, Moskva 1995.

Martysevich I. D., Shul'gin V. S., *Pravo i sud*, [in:] *Ocherki russkoy kul'tury XVII veka*, t. 1,

Moskva 1979, s. 330–331.

Medushevsky A. N., *Petrovskaya reforma gosudarstvennogo apparata: tseli, provedenie, rezul'taty*, [in:] *Reformy vtoroy poloviny XVII–XX vekov: podgotovka, provedenie rezul'taty. Sbornik nauchnykh trudov*, Moskva 1989, s. 64–83.

Medushevsky A. N., *Utverzhdenie absolyutizma v Rossii. Sravnitel'noe istoricheskoe issledovanie*, Moskva 1993.

Mrochek-Drozdovsky P. N., *Oblastnoe upravlenie v Rossii XVIII veka do Uchrezhdeniya o guberniyakh 7 noyabrya 1775 g.*, t. 1, Moskva 1876.

Obolonsky A. V., *Byurokratiya i gosudarstvo: Ocherki*, Moskva 1996.

Obolonsky A. V., *Na gosudarevoy sluzhbe: byurokratiya v staroy i novoy Rossii: Ocherk*, Moskva 1997.

Ocherki istorii Sverdlovskaya (1723–1973), Sverdlovsk 1973.

Pavlenko N. I., *Razvitie metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii v pervoy polovine XVIII veka: promyshlennaya politika i upravlenie*, Moskva 1953.

Penzin È. A., *Sibirskiy ober-bergamt – organ upravleniya gornozavodskoy promyshlennost'yu Urala v pervoy polovine XVIII v.*, [in:] *Problemy genezisa i razvitiya kapitalizma na Urale: Istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie: Sb. nauch. tr.*, Sverdlovsk 1986, s. 104–121.

Pisar'kova L. F., *Gosudarstvennoe upravlenie v Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka: Èvol'yutsiya byurokraticheskoy sistemy*, Moskva 2007.

Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo goroda Vladimira v posledney treti XVIII – pervoy polovine XIX v., Vladimir 2009.

Redin D. A., *Administrativnyye struktury i byurokratiya Urala v èpokhu petrovskikh reform (zapadnye uезdy Sibirskoy gubernii v 1711–1727 gg.)*, Ekaterinburg 2007.

Redin D. A., *Ètyudy po russkoy istorii Novogo vremeni (administrativny i sotsial'ny aspekty)*, Ekaterinburg 2019.

Rumyantseva M. F., *Massovye istochniki po istorii chinovnichestva mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii. 1762–1802 gg.: diss. ... kand. ist. nauk*, Moskva 1985.

Savchenko L. A., *Povsednevnost': metodologiya issledovaniya, sovremennaya sotsial'naya real'nost' i praktika (sotsial'no-filosofskiy analiz)*. Avtoreferat diss. ... doktora filosofskikh nauk, Rostov-na-Donu 2001.

Safronova A. M., *Rol' gornozavodskikh shkol v organizatsii deloproizvodstva pri kazennykh zavodakh Urala v 20–30-e gody XVIII v.*, [in:] *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*, Ekaterinburg 2015, s. 32–56.

Serov D. O., *Fiskal'skaya sluzhba i prokuratura Rossii pervoy treti XVIII v.* Avtoreferat diss. ... doktora ist. nauk. Ekaterinburg, 2010.

Smirnov A. V., *Kontseptualizatsiya povsednevnosti: istoricheskiy i metodologicheskiy aspekty*. Avtoreferat diss. ... doktora filosofskikh nauk, Sankt-Peterburg 2013.

Snezhnevsky V., *Prikaznye lyudi v Nizhegorodskom namestnichestve*, [in:] *Deystviya Nizhegorodskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Sbornik statey, soobshchenny, opisey i dokumentov*, t. 5, Nizhny Novgorod 1903, s. 43–50.

Teoriya i metodologiya istorii: uchebnik dlya vuzov, Volgograd 2014.

Territorial'no-èkonomicheskoe upravlenie v Rossii XVIII – nachala XX veka: Ural'skoe gornoe upravlenie, Moskva 2008.

Troitsky S. M., *Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo XVIII v.*, Moskva 1974.

Tulisov E. S., *Organizatsiya upravleniya gornozavodskoy promyshlennost'yu Urala vo vtoroy polovine XVIII veka*, Ekaterinburg 1999.

Fedosov I. A., *Sotsial'naya sushchnost' i èvol'yutsiya rossiyskogo absolyutizma*, "Voprosy

istorii", nr 7, 1971, s. 59–61.

Cheremisina Ya. S., *Povsednevnyaya zhizn' gosudarstvennykh sluzhashchikh v Moskve i Peterburge v pervoy chetverti XVIII v.: diss. ... kand. ist. nauk*, Moskva 2008.

Chernaya L. A., *Ot idei «sluzheniya Gosudaryu» k idee «sluzheniya Otechestvu» v russkoy obshchestvennoy mysli vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII v.*, [in:] *Obshchestvennaya mysl'*, z. 1, Moskva 1989, s. 28–43.

Shepelev L. E., *Tituly, mundiry, ordena v Rossiyskoy imperii*, Leningrad 1991.